

Василий Касимирович отвозит дани Батею Батеевичу

А во столнеём городе во Киеве
А у ласкова князя у Владимира
А было пированье-стол, почесьён пир,
А про многих хресьян, про руських бояров,
А про тех же про руських богатырей,
А да про тех полениц да при(й)удалые,
А про тех же наезников пресильниех.
А все на балу сидят, пьют, кушают,
А два молоцца не пьют, не кушают,
А где белой лебёдушки не рушают.
А говорил тут Владимир стольнѣ-киевской:
«А уж ты ой еси, Василей да сын Касимировиць!
А сослужи ты мне-ка служобку церковную:
А шше съезди-тко, Васильюшко, во Большу-й Орду,
Во Большу-де Орду — да в прокляту землю,
А к тому же ко Батею г сыну Батеевицю —
А да свези где-ка дань, свези всё пошлины
А да за те за двенаццать лет вы́ходных!
А да свези где ему ноньце подароцьки:
А во-первых-де, двенаццэт ясних соколов,
А во-вторых-то, двенаццэт белых лебедей,
А во-третьих-то, двенаццэт да серых крещатов!»
А шше тут-де Васильюшко призадумалса,
Говорыл где Васильюшко таковы слова:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнѣ-киевской!
А у нас много где ездило во Большу-й Орду,
Во Большу-де-й Орду — да прокляту землю
А к тому же ко Батею сыну Батеевичу,
А назадь тут они не приежживали!»
А говорыл тут Владимир да стольнѣ-киевской:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимировиць!
А тебе надо ехать во Большу-й Орду,
Во Большу-де-й Орду тебе — в прокляту землю!

Да бери-тко ты от меня да золотой казны,
А бери от миня да силы-армеи!»
Говорил тут Василей да сын Касимирович:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнѣ-киевьской!
А не надо мне твоя да золота казна,
А не нать мне твоя да сила-армея,
А не нать мне твои ноньце подарочки —
А только дай мне-ка братилка крестового,
А на мѣлода Добрынюшку Микитиця!»
Говорыл тут Владимир да стольнѣ-киевской:
«А сряжайтесь-ко вы, руськие богатыри,
А сряжайтесь, богатыри, по-подорожному.
А возьмите-тко с собой тут да дань-пошлину
А за те за двенаццэт лет как выходных,
Вы возьмите ише ему подароцьки!»
А говорил-де Васильюшко сын Касимирович:
«А не надо где нам да дань ведь пошлина,
А не надо ведь нам ёму подарочки!»
А средились богатыри по-подорожному:
А седлали-уздали своих добрых коней,
А на sibя надевали латы кольцюжные,
А брали луцѣк, калѣну стрелу,
А ту ише палоцьку буѣвую,
А ту ише саблю да ноньце вострую,
А то где копейцѣ да брусоменьцято, —
А ише падали в ноги князю Владимиру.
А ише падал Добрыня Василью Касимировичу:
«А уж ты ой еси, братилко крестовой нонь!
А да поедѣм мы с тобой во путь-дорожечку —
А не бросай ты меня да среди поля,
А не заставь ты меня ходить бродягою!»
А да не видели поездки богатырьскою,
А только видели: в поли курева стоит,
Курева где стоит, да дым столбом валит.
А едут дорожкой да потешаюцьсе:
А Васильюшко стрелоцьку постреливат,
А да Добрынюшка стрелоцьку подхватыват.
А приехали во царсьво да во Большу-й Орду.
А не дѣржала стена их городовая,

А та где-ка башня цетвёроугольная —
А заежжали они да нонь в ограду тут,
А становились молоццы да ко красну крыльцю.
А вязали коней да к золоту кольцю,
А заходили они да во светлу грыню.
Говорыл где Васильюшко сын Касимирович:
«А здрастуй, царь Батей Батеевиць!»
А говорил где-ка царь Батей Батеевиць:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимирович,
А приходи-тко ты, Васильюшко сын Касимирович,
А садись-ко, Васильюшко, за дубовой стол!»
А ише тут где-ка царь угошшать их стал.
А говорил где-ка царь Батей Батеевич:
«А ты послушай-ко, Василей сын Касимирович,
А да привёз ле мне дань, привёз ле пошлину
За двенаццэтъ как лет да ноньце выходных?
А привёз ише ноньце подароцьки:
А тех же двенаццэтъ ясных соколов,
А во-вторых, двенаццэтъ белых лебедей,
А во-третьих, двенаццэтъ серых крещятов?»
А говорил Васильюшко сын Касимирович:
«А уж ты ой еси, царь Батей Батеевиць!
А не привёз я к тебе нонь дани-пошлины
А за те как за двенаццэтъ лет как выходных!
А не привёз я к тебе ноньце подароцёк:
А тех же двенаццэтъ ясных соколов,
А во-вторых-де, двенаццэтъ белых лебедей,
А во-третьих-де, двенаццэтъ серых крещятов!»
А говорил где-ка царь Батей Батеевиць:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Касимирович!
А есь ле у вас да таковы стрельци:
А с моима стрельцами да пострелетисе
А во ту где во меточку во польскую —
А во то востреё да во ножовоё?
А-й есьли нету у вас да таковых стрельцей:
А с моима стрельцами пострелетисе —
А не бывать те, Васильюшко, на Светой Руси,
А не видать цетья-петья церьковного,
А не слыхать тебе звону колокольнёго,

А не видать те, Васильюшко, бела свету!»
А говорил где Васильюшко, сын Касимирович:
«А уж ты ой еси, царь Батей Батеевиць!
Я надею дёржу да я на Господа,
А надеюсь на Матерь на Божью Богородицю,
А надеюсь на званого на братилка —
А на молоды Добрынюшку на Микитиця!»
А ише тут Батей царь Батеевиць
А выбрал он ровно триста стрельцёв,
А из трёх сот он выбрал одну сотёнку,
А из сотни он выбрал да только три стрельця.
Да пошли как они как тут стрелетисе,
А пошли где они да во цисто полё.
А стрелели во меточку во польскую,
А во то востреё во ножовоё.
А первой тут стрелил — да он не выстрелил;
А второй-от тут стрелил — да он не дострелил;
А третей-от стрелил — да он перестрелил.
А Добрынюшка стрелил да всё во меточку —
А калёна-та стрелоцька росколаласе.
А ише тут у царя да вся утеха прошла.
А собрал он где пир да ровно на три дня,
А ише тут богатырей угощать тут стал.
А пировали-столовали да ровно по три дня,
А на четвёртой-от день стали розъезжатисе.
А говорил где Батей сын Батеевиць:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Касимерович!
А есь ли у тебя д[а] таковы игроки —
А с моима игроками поиграти нонь
А во те же во картоцьки, во шахматы?
А ише нет у тя таковых игроков —
Не бывать тут тебе да на Святой Руси,
А не видать тебе тут будёт бела свету,
А не слыхать-то цетья-петья церковного,
А не слыхивать звону колокольнёго!»
А говорил тут Василей да сын Касимерович:
«А я надею дёржу да я на Господа,
Я на Матерь на Божью на Богородицю.
Я надеюсь на званого на братилка —

А на молоды Добрыню на Микитича!»
А ише тут же как царь Батей Батее[е]вич
А ише выбрал игроков он одну сотёнку,
А из сотёнки выбрал да ровно триццэть их,
А из триццэти выбрал да ровно пять тут их —
А они сели играть во карты-шахматы.
А играли они да ровно сутоцьки —
А Добрынюшка тут всех их поигрывают.
А ише тут у царя да вся утеха прошла.
А собрал он пир да ровно на три дня,
А тут-де богатырей угощать тут стал.
А пировали-столовали да ровно три тут дня,
А на четвёртой-от день стали розъежжатисе.
А говорил где-ка царь Батей сын Батеевиць:
«А уж ты ой еси, Василей да сын Касимирович!
А есь ле у тебя тут таковы борьци —
А с моима борьцями да поборотисе?
А есьли нет у тя да таковых борьцей —
Не бывати тибе да на Святой Руси,
А не видати тибе да нонь бела свету,
Не слыхать тут цетья-петья церковного,
А не слыхивать звону колокольнёго!»
Говорил тут Василей да сын Касимерович:
«А надею дёржу да я на Господа,
Я на Матерь на Божью Богородицю.
Я надеюсь на званного на братилка —
Я на молоды Добрынюшку на Микитица!»
А тот как царь Батей Батеевиць
А ишше выбрал борьцёв одну ведь сотёнку,
А из сотёнки выбрал ровно триццэть их,
А из триццэти выбрал да ровно три борьця —
А да пошли где они тут всё боротисе
А во то-де как полё — да во роздольицё.
А говорил где Васильюшко сын Касимирович:
«А послушай-ко, Батей ты царь Батеевиць!
А как им прикажешь тут боротисе:
А поодиноцьки ле им или со всема тут вдруг?»
А говорыл тут Батей да сын Батеевиць:
«А уж ты ой Васильюшко сын Касимирович!

А боритесь-ко вы нонь, как нонь знаите!»
А ише тут-де Добрынюшка Микитиц млад
А ише два к себе взял ноньце в охабоцьку,
А третьёго взял да посерёдоцьку —
А всех он тут трёх да живота лишил.
А богатырская тут кровь да роскипеласе,
А могуци ёго плеча росходилисе,
А белы ёго руки примахалисе,
А резвы ёго ноги приходилисе.
Ухватил он тотарина всё за ноги,
А стал он тотарином помахивать:
А перёд тут махнёт — да всё как улками;
А назадь-от махнёт — да пере(й)улками.
А сам где тотарину приговариват:
«А едрён где тотарин на жилки — не порвицьсе,
А могутён на косьи — не переломицьсе!»
А ише тут где-ка царь Батей Батеевиць
А говорил где-ка царь Батей Батеевиць:
«А уж вы ой еси, руськие богатыри
А те же удалы добры молоцци!
А укротите свои да ретивы серьця,
А опустите-ко свои да руки белые —
А оставьте мне тотар хотя на семяна!
А я буду платить вам дань и пошлину
А вперёд как за двенаццать лет как выходных:
А буду я давать вам красного золота,
А буду дарить вам цистым серебром,
А ише буду ведь я — скатным жемцюгом!
А присылать я вам буду нонь подарочки:
А тех же двенаццэтъ ясных соколов,
А тех же двенаццэтъ белых лебедей,
А тех же двенаццэтъ серых крецятов!»
А шше где-ка тут царь Батей Батеевиць —
А шше тут где-ка царь да им ведь пир доспел.
А пировали-столовали да ровно десеть дней,
А на одинацатой день стали розъежжатисе:
А ише зацели богатыри срежатисе,
Ише стали могуци сподоблятисе —
А спроводил их Батей тут сын Батеевиць.

А да приехали они ко городу ко Киеву,
А к тому же ко князю да ко Владимиру.
А стрецят их Владимир да стольне-киевско[й],
А стрецяёт ведь их да всё тут с радостью.
Росказали они князю да всё Владимиру.

(Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.